Новая оккупация Патриарших прудов

Известия. — 1999. — 19 окт. — с. 9

Здесь должен появиться памятник Михаилу Булгакову

Ольга КАБАНОВА

Боги, боги мои! Еще один памятник постановили поставить в Москве. На Патриарших прудах, с той стороны паркового водоема, где стоит бутафорского вида маленький павильончик — поздняя и мелкая реплика на величественный сталинский ампир, — напротив восседающей в кресле бронзовой фигуры баснописца Крылова отведено место для памятника Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Не самому великому, но замечательному, всенародно почитаемому и с радостью читаемому русскому писателю. Создавшему славный, нежный и смешной роман, утешающий вот уже более тридцати лет людей, родившихся в советской стране. «Ну что же, они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца...» Слова из романа Михаила Афанасьевича вошли у этих людей в присловья.

Слово — верное прибежище русского гения. Великая русская литература два века подряд, не скупясь, одаривала мир писателями. Но вот пластически русский дух никогда особенно удачно выразить себя не мог — не было у нас своих Праксителей, Роденов и Генри Муров. Может быть, и хотела произвести их на свет земля русская, но рожала все больше Гоголей да Салтыковых-Щедриных.

До определенного времени Россия к памятникам относилась сдержанно. В Москве, например, до революции их было чуть больше десяти. К возведению памятников тогда тщательно готовились: объявляли конкурсы, долго обсуждали представленные на эти конкурсы проекты, собирали по подписным листам деньги. Открытия опекушинского Пушкина и андреевского Гоголя проходили как общегородские праздники, билеты на которые распространяли среди уважаемых граждан, представляющих все городские сословия. Потом все дружно выражали неудовольствие увиденным, потом к памятникам медленно привыкали... Некоторые москвичам удалось полюбить.

После 17-го, с введением большевистского плана монументальной пропаганды, все решительно изменилось. Памятники начали появляться в бодром темпе и в большом количестве — страна воинствующего атеизма нуждалась в идолах. Слово «увековечить», как клещ, вцепилось в русский язык и паразитирует на нем и по сей день. После Второй мировой войны начался экспорт советских памятников в страны Восточной Европы. Бронзовые солдаты, не слишком привлекательные эстетически, символизировали не столько память о погибших, сколько само советское военное присутствие, поэтому их не очень-то любили в освобожденных землях.

В постсоветские годы в столице с памятниками стала твориться форменная чертовщина. Они появлялись, где их никто не ждал: один гигант вырос близ Крымского моста из мрачных глубин реки Москвы, другой сел на «аэродром» лестницы Ленинской библиотеки, третий нетрезво развалился на пеньке в центре Тверского бульвара, четвертый на худом коне выехал на Манежную площадь.

Памятники вдруг стали лучшим подарком зарубежным странам: Святого Георгия отрядили к зданию ООН в Нью-Йорке, Колумбов навязали всему свету, при этом Новый Свет долго от него отказывался, Пушкиных надарили к нынешнему юбилею всем, кто согласился принять. Подумать только, как бы выглядела наша столица, если бы всех их не согласились приютить в заморских землях!

ИТАР — ТАСС

Лидер конкурса — проект Александра Рукавишникова. К сожалению, этим фрагментом проект не ограничивается

«А вам, что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван. —Ужасно не нравятся. — А вы какие читали? — Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель. — А что же говорите? — Ну что же тут такого, — ответил гость, — как будто я других стихов не читал? Впрочем... Разве что чудо?» Направляясь в Академию художеств, где проходит выставка конкурсных проектов на памятник автору романа, рукопись которого была сожжена, да не сгорела, я на чудо не рассчитывала. Его и не случилось.

«Не буду изобличать злодеев», тем более что имена их до времени зашифрованы — анонимность авторов проектов гарантирует беспристрастность жюри. И нельзя сказать наверно, кто именно придумал многочисленных сидящих и стоящих Михаилов Афанасьевичей, то щеголеватых, как и сам писатель, то болезненно согбенных, как его несчастный безумный герой. Среди них есть и удачные памятники, но совершенно по стилю надгробные, и место им — кладбище, а не московский бульвар.

Кроме самого писателя, скульпторов вдохновляли и его герои. Некто предложил поставить на Патриарших голую бабу в полете, кто-то — малодушного древнеримского высокопоставленного чиновника, однажды умывшего руки, а потом страдавшего, согласно булгаковскому апокрифу, двенадцать тысяч лун. В изобилии обнаруживались толстые коты. Здесь, понятно, без котов нельзя. Нашлось на конкурсе и одно разумное предложение — вместо памятника соорудить на подходе к Патриаршим сцену, открытый амфитеатр, куда бы приходили люди и делали на ней что хотят.

Несмотря на анонимность, авторы некоторых проектов угадывались. Например, золотую кавалькаду летящих в небеса героев романа явно сочинил скульптор, прежде специализировавшийся на летящих в светлое будущее тачанках с героями гражданской войны. Легко раскрывался и псевдоним автора композиции, состоящей из взятых в рамочку человеческих конечностей, бюстика писателя и развивающейся белой гипсовой тряпки. Торжественная «расчлененка» — фирменный стиль маститого скульптора Бурганова.

Почерк скульптора Рукавишникова, автора памятника присевшему Достоевскому («Достоевский умер. — Протестую! Достоевский бессмертен!»), обнаруживался в сидящем на поломанной скамейке человеке, очень похожем на писателя Булгакова. Эта скамейка явно волновала многочисленных посетителей выставки. «Совсем неплохо, — говорили они, — представь: идешь по Патриаршим, кругом старушки сидят, а потом вдруг он». Но «депешу передали исковерканной» — скамейка с писателем по проекту не должна стоять в общем ряду мест отдыха простых смертных. Ее планируют водрузить на постамент. Но и это не все — рядом задуман барельеф с обреченным на бессонницу малодушным Пилатом, огромный примус, бегущий в пруд топиться, и машина с нехорошей компанией.

В общем, «яду мне, яду!» Но, как учит в романе предводитель нечистой силы, «все будет правильно, на этом построен мир». У писателя и его романа есть настоящие, верные и вечные поклонники. И кто сказал, что у нашей столицы их нет? Уже прошедшее общественное обсуждение конкурса выявило немало решительных противников «увековечения» Михаила Афанасьевича. Уже жюри решило, что ни один из проектов нельзя реализовывать. Однако предложило трем авторам продолжить работу над памятником.

Я же, со своей стороны, предлагаю развернуть активное всенародное сопротивление засилью бронзовых и каменных истуканов, которые бездарные потомки посвящают великим предкам. Призываю бороться за мораторий на их установку. Пусть на сэкономленные от непоставленных памятников деньги будут посажены деревья и разбиты клумбы. Я знаю, в борьбе с памятниками уже сплоховали обалделые молодые коммунисты, взрывавшие Николая II работы скульптора Клыкова. Уже потерпел неудачу в борьбе с церетелиевским Петром I предприимчивый Марат Гельман. Но «умные люди на то и умны, чтобы разбираться в запутанных вещах», неужели же мы не сможем защитить светлую память Булгакова, Патриаршие пруды и наш город от еще одного нелепого монумента.